

А.В. Полосин, Д.А. Аникин

О ВЕКТОРНО-ОСЕВОМ ПОДХОДЕ К ЦИВИЛИЗАЦИОННОМУ МНОГООБРАЗИЮ

***Аннотация.** Актуализация цивилизационного подхода в современной отечественной гуманитарной науке ставит ряд важных задач, связанных с раскрытием и проблематизацией отдельных элементов данного подхода в контексте новых социальных и политических вызовов. К числу таких проблемных элементов анализа цивилизаций относится выявление параметров для сравнительного анализа.*

Статья ставит своей целью методологическое обновление цивилизационного подхода за счет выработки методик сравнительного анализа цивилизаций, что предполагает формулирование универсальных параметров, позволяющих выявить существенные особенности каждой цивилизации. Существующие методологии сравнительного анализа (Р. Инглхарт, Г. Хофстеде, Ш. Шварц) акцентируют внимание на различных типах сообществ, но преимущественным предметом их анализа являются национальные культуры, что снижает эвристический потенциал разработанных методик при переходе к наднациональным сообществам, обладающим определенной культурной спецификой.

В статье представляется новый, векторно-осевой, подход к измерению цивилизационного многообразия, предполагающий обращение к шести параметрам, используемым для оценки конкретных культурных ареалов с точки зрения доминирующих ценностей. Каждый из указанных параметров (системность, социальность, антропность), упорядоченных в пары противоположностей (расширение-концентрация, связность-расцепленность, логичность-эмоциональность), может присутствовать в качестве ценностного ориентира для представителя той или иной культуры / цивилизации, однако доминирование какого-либо из указанных векторов позволяет определить наиболее характерные для общества черты. Как отмечают авторы, такие характеристики стоит воспринимать не столько как изначальные и неизбежные черты некоего сообщества, сколько как актуальные ценностные ориентации, позволяющие выявлять ценностные различия и использовать их в рамках сравнительных сопоставлений.

***Ключевые слова:** культура; цивилизация; сравнительные исследования; ценности; язык; вектор; система координат; социальное развитие.*

**Полосин Андрей Владимирович – доктор политических наук,
проректор РАНХиГС. Россия, Москва.
E-mail: 79857610845@yandex.ru**

Аникин Даниил Александрович – кандидат философских наук, начальник отдела по методическому обеспечению проектов государственной политики Управления сетевых и партнерских проектов государственной политики РАНХиГС. Россия, Москва.

E-mail: dandee@list.ru

Scopus Author ID: 56426263200

Web of Science Researcher ID: D-7070-2013

Polosin A.V., Anikin D.A.

On the Vector-Axial Approach to Civilizational Diversity

***Abstract.** The increasing use of the civilizational approach in modern domestic humanitarian science highlights several crucial tasks, particularly concerning the clarification and problematization of its elements in light of new social and political challenges. A major issue in the study of civilizations is defining parameters for comparative analysis. This article aims to refine the methodology of the civilizational approach by developing a framework for comparative analysis that formulates universal parameters to highlight the essential traits of each civilization. Current methodologies for comparative analysis (R. Inglehart, G. Hofstede, S. Schwartz) primarily address various types of communities, with a focus on national cultures. However, this concentration reduces the heuristic efficacy of these methods in analyzing supranational communities with unique cultural specifics.*

The article presents an innovative vector-axial approach for assessing civilizational diversity, using six parameters to assess cultural ranges based on dominant values. These parameters (systemicity, sociality, anthropicity), arranged in opposing pairs (expansion-concentration, connectivity-splitting, logicality-emotionality), offer value guidelines for representatives of different cultures or civilizations. The dominance of any of these vectors helps to determine the most distinctive features of a society. The authors suggest that these characteristics should be viewed not as intrinsic and inevitable community traits but as current value orientations that allow for identifying value differences within comparative frameworks.

***Keywords:** culture; civilization; comparative research; values; language; vector; coordinate system; social development.*

Andrey Vladimirovich Polosin – Doctor of Political Sciences, Vice-Rector of RANEPА. Russia, Moscow.

E-mail: 79857610845@yandex.ru

Anikin Daniil Alexandrovich – Ph.D., Head of the Department for Methodological Support of State Policy Projects, Department of Network and Partner Projects of State Policy, RANEPА. Russia, Moscow.

E-mail: dandee@list.ru

Scopus Author ID: 56426263200

Web of Science Researcher ID: D-7070-2013

Дискуссия о содержании и границах применимости цивилизационного подхода, возникшая в публичном пространстве в последние годы, выявила существенные расхождения в формулировании понятий и положений, используемых различными авторами в отношении этой проблематики. Несмотря на значительное число теоретических работ, посвященных «цивилизации» и «цивилизациям», до сих пор можно наблюдать множественные различия как в прочтении самого этого термина «цивилизация», так и в выборе связанного с ним категориально-понятийного аппарата.

Безусловное влияние на подобную пестроту позиций оказывает то обстоятельство, что на протяжении десятилетий цивилизационный подход в России был вытеснен на периферию социального знания, причем лишь отчасти по причинам научно-исследовательского плана; не меньшее значение имела идеологическая составляющая. Доминирование марксистско-ленинской философии и пришедшее ему на смену господство либерально-индивидуалистических концепций ни в коей мере не способствовали популярности неортодоксальных взглядов и теорий, стремясь выставить последние в качестве опасных и недопустимых маргиналий. Таким было отношение к цивилизационному подходу в советские годы, но и в постсоветское время научная дискуссия по поводу достижений и недостатков подхода оказалась затруднительной. Сами тексты «классиков» цивилизационного подхода (А. Тойнби и др.) были опубликованы, быстро приобретя статус «нового канона», но не становясь предметом систематического изучения и критики, учитывающей ту временную дистанцию, которая возникла между временем написания данных текстов и временем их освоения постсоветской аудиторией.

Тем не менее цивилизационная оптика оказалась одним из подходов, способных обогатить социальные исследования и преодолеть наблюдаемый внутри последних раскол на два идейных «лагеря» (ортодоксов марксизма, с одной стороны, и апологетов либеральных стандартов – с другой). Это оказалось возможным не только за счет обращения к новой «повестке дня» (включавшей, среди прочего, идеи «столкновения цивилизаций»), но и благодаря подчеркиванию культурных различий и ценностной природы социального знания (и общества как объекта соответствующего исследования). Если во второй половине XX и даже в начале XXI в. популярной и даже «модной» доминантой социально-гуманитарной методологии были количественные исследования, которые рассматривались как лучший способ получения достоверной и верифицируемой информации, то в настоящее время гуманитарная наука стремится к совмещению количественных и качественных методов, учету аксиологического ракурса и мировоззренческих факторов общественного развития и многообразия социальной динамики [Публичные ценности 2014].

Вследствие подобного состояния большинства разработок, более чем актуальной представляется задача оформления и концептуализации такой моде-

ли культурно-цивилизационных различий, которая учитывала бы передовые достижения в области социологии, антропологии и политической науки, и, при этом, позволяла бы эффективно и результативно обращаться к цивилизационному подходу в рамках выработки прикладных решений, а не только теоретических (а подчас и надуманных) метафор. Решение такой задачи, базируясь на разработках предшественников, должно, в первую очередь, уделять внимание прикладному значению и, следовательно, апробированности применения их подходов.

Культура и цивилизация

Вопреки популярному мнению Терри Иглтона, рассматривающему «культуру» и «цивилизацию» как разные полюса важной исторической антиномии («Конфликт между культурой и цивилизацией, таким образом, относился к достигшей кульминации размолвке между традицией и современностью (...) По иронии судьбы теперь термин «культура» используется скорее для описания жизненных форм «дикарей», чем цивилизованных людей» [Иглтон 2012, с. 22–25]), мы полагаем, что при выборе из двух доступных современным социальным наукам значений «цивилизации» одна из сторон такого выбора представляется устаревшей и в актуальных условиях практически маргинальной. Сегодня высказывание о том, что «цивилизация» есть наиболее совершенная стадия общественного развития, противостоящая «дикости» или «варварству», выдает в его авторе ретрограда, не ознакомившегося ни с одним из исследований в рамках цивилизационного подхода за последние несколько десятилетий; в то же время, актуальным и валидным представляется определение Уильяма Макнила, в соответствии с которым цивилизация представляет собой сообщество, «скрепленное общим литературным канонem и поведенческими ожиданиями, заданными таким канонem» [Mcneill 1990, p. 8]. Очевидно, что в мире, несмотря на все унифицирующее влияние глобализации, по-прежнему существует множество разных культурных канонem, восходящих к принципиально различным «классикам» и воспеваемым ими «представлениям о человеческом поведении». Цивилизация, таким образом, становится конструкцией, объясняющей многообразие и равноправие различных культур.

Но где же можно обозначить границу, при пересечении которой «культура» (со всеми современными коннотациями этого термина, все чаще перемещающими то в пространство «отсталых сообществ», то в статичные мультикультурные реалии) трансформируется в «цивилизацию»? Несмотря на недопустимость пренебрежительного отношения в отношении так называемых «малых государств», следует признать, что реалии мировой политики и международных отношений все-таки позволяют провести различие между теми «канонами», которые сформировали вокруг себя определенную «зону влияния», и теми, которые за-

мкнулись исключительно в узких (чаще всего – национальных) границах. Вслед за отдельными языками, до сих пор остающимися *lingua franca* на значительных территориях, разделенных на множество независимых государств, отдельные народы на этом пространстве впитывают и культурные особенности исходной цивилизации. Творчество Лопе де Веги, Сервантеса и Гарсиа Лорки изучают в школах от Мексики до Аргентины; книги Диккенса читают в канадском Ванкувере и новозеландском Окленде; труды Ибн Маджи объединяют правоверных суннитов от Марокко до Индонезии. Произведения Пушкина и музыка Чайковского играют такую же объединяющую роль для евразийского пространства, распространяясь не только на русском, но и на других языках, но транслируя те смыслы, которые были выработаны в рамках российской (а еще конкретнее говоря – православной) культуры. Не зря Николай Данилевский, разрабатывая свою идею многообразия «культурно-исторических типов» человечества, указывал, что такие типы возникают на основе общности, рожденной языком и воплотившейся, среди прочего, в особом, уникальном и самобытном «культурном ядре».

Подобным признанием, однако, проблема не решается, а лишь трансформируется в вопрос о том, что именно следует считать цивилизационным «канонном», и какого рода плюральность является для цивилизационного подхода релевантной, а какая – излишней. Допущенное выше упоминание Ибн Маджи в данном отношении отнюдь не случайно: историк Юрий Слезкин указывает, что в наиболее плодотворном ключе рассуждение о «западноевропейской» цивилизации как «христианах латинского обряда» опирается на их единство вокруг «священных текстов, унаследованных от устных традиций и учительских и пророческих откровений», размыкающих между собой «конфуцианскую, индийскую, персидскую, исламскую, еврейскую, греко-римскую» и иные «большие сообщества» [Слэзкин 2023, с. 44–45]. Таким образом, различий между текстами и литературными памятниками, свойственными той или иной культуре, недостаточно – они будут присутствовать даже в случае максимально близких друг другу народов (таких, как немцы и австрийцы или белорусы и украинцы); основанием же как для объединения подобных «родственников», так и для их размежевания от других цивилизационных «миров» должны являться мифообразующие культурные феномены (религиозные или секулярные). Именно они, по-видимому, и могут быть определены как «ядро» ценностных систем, неизбежно связанных с цивилизационными сообществами.

Вместе с тем, несмотря на заманчивое предположение о возможности отождествления религиозной и цивилизационной идентичности, стоит отметить и существенные препятствия для утверждения подобной позиции.

Во-первых, любая мировая религия стремится к максимальному распространению, игнорируя различия в классовой принадлежности, национальности, расе и прочих культурных и биологических характеристиках (как сказано в Послании к Колоссянам: «Нет для меня ни эллина, ни иудея...»). В этом

смысле цивилизационный подход, исходящий из принципиальной множественности сообществ с различной культурой, вряд ли может быть синтезирован с религиозным мировоззрением в таком примитивно-прямолинейном значении, как это делает в своей работе «Столкновение цивилизаций» американский политолог Сэмюэль Хантингтон, когда определяет цивилизации в соответствии с преобладающим типом религии. Разумеется, религия является важным компонентом культурной и цивилизационной идентичности, но само соотношение религии и цивилизации можно трактовать и в обратном ключе. В конце концов, принятие Россией православия привело не только к приобщению России к византийской цивилизации, но и к возникновению самобытной цивилизационной общности, в которой универсальные христианские постулаты приобрели свое особое звучание.

Во-вторых, подобное отождествление ставит сложный вопрос о том, может ли считаться представителем цивилизации индивид, имеющий отличающуюся религиозную идентичность или вообще не имеющий таковой; в случае российской цивилизации этот вопрос звучит особенно остро. Да и сама история христианства демонстрирует, например, не последовательное сближение тех народов, которые испытали религиозное воздействие, а, скорее, обратную тенденцию – постепенные расколы единого религиозного поля в соответствии с теми культурными ориентациями, которые уже сложились у различных народов и культур.

Вполне очевидно, что на мировоззренческий фундамент цивилизации влияет, в первую очередь, язык – но, оставаясь *primus inter pares*, он дополняется религиозным своеобразием и иными историко-институциональными трендами (включая, прежде всего, опыт политического доминирования какого-либо государства в пределах религиозной или языковой группы). Именно последние определяют, почему Испания и Португалия, являясь, казалось бы, частью евро-романской цивилизации (что очевидно в силу принадлежности к единой группе языков), сформировали огромный ареал ибероамериканского мира. Языковые различия разделяют нередко постулируемую «исламскую цивилизацию» как минимум на три полноценных сегмента – «арабскую», «тюркскую» и «иранскую» цивилизации; вместе с тем исторические и военно-политические обстоятельства разрывают германскую языковую ветвь, оставляя по одну её сторону Центральную Европу и Скандинавию, а по другую – бывшие пространства Британской империи, включая Великобританию, США, Канаду, Австралию и Новую Зеландию.

К сожалению, нередко приходится наблюдать утверждения эссенциалистского характера, будто бы «культурное ядро» цивилизаций остается категорически неизменным на протяжении тысячелетий; такая позиция как правило подкрепляется высказываниями политиков, уподобляющими «культурный код» коду едва ли не генетическому. На деле, даже в пределах «ядра» присутствует единство культурного многообразия, не отменяющее, однако, гетеротипической стабильности самих ценностей: как отмечает Николай Данилевский, «цивилизация, свойственная каждому культурно-историческому типу, тогда только достигает полноты, разнообразия и богатства, когда разнообразны этнографические элементы, его составляющие» [Данилевский 2008, с. 113]. В этом нет противоречия с указанным выше принципом «культурного ядра», поскольку речь идет о совпадении базовых культурных характеристик при наличии определенных инвариантов. В динамическом аспекте подобное многообразие позволяет обеспечить преемственность без стагнации, поскольку в качестве импульсов для развития используются те или иные культурные элементы, принадлежащие изначальному комплексу.

Одной из наиболее значимых и резонансных концепций, связанных с постулированием подобного многообразия, является теория «множественных модерностей» Шмуэля Эйзенштадта. В соответствии с этой теорией, разнообразные культурные традиции, отличающие одно сообщество от другого, не являются препятствием на пути развития (как это приписывала бы прежняя идея «цивилизации» или даже «модернизации»), а становятся лишь источником своеобразия выбранного пути. В результате развивающиеся социальные миры, отличающиеся своим культурно-ценностным контекстом, не должны сплетаться в жестко универсальную рамку (как предполагалось ранее), а становятся примером своеобразного взаимного изменения: с одной стороны, прогрессистские

технологические и общественные тренды встраиваются в специфическую логику, продиктованную специфическими культурными переменными, а с другой – сами общественные традиции трансформируются и видоизменяются в соответствии с меняющимся социально-политическим окружением.

Можно констатировать, что понятия «культура» и «цивилизация» преодолели немалый путь трансформации своего содержания и соотношения между собой, начиная с XVIII в., когда европейская культура начала активно использовать термин «цивилизация» для обозначения высшей стадии общественного развития, противопоставляемой предшествующим стадиям (дикости и варварству). В XIX в. кризис линейно-прогрессивного мировоззрения вызвал к жизни концепцию локальных цивилизаций, в рамках которой был поставлен вопрос о культуре как причине различия цивилизаций. Это наиболее важные вехи, которые необходимо отметить для понимания поставленных в статье вопросов, хотя сама логика развития цивилизационного подхода не может быть охвачена одной публикацией, демонстрируя множество методологически различных вариантов понимания. Из относительно свежих обзорных публикаций можно упомянуть монографию «Российское общество: архитектура цивилизационного развития», подготовленную ФНИСЦ РАН и позволяющую представить многообразие современных представлений о цивилизации и цивилизационном подходе [Российское общество 2021]. Оставляя в стороне многообразие аспектов раскрытия цивилизационного подхода, сосредоточимся только на одном аспекте, а именно – методологии сравнительного анализа цивилизационных образований.

Исследование различий и материальность цивилизации

Исследование культурных различий между обществами – не новая страница для социальных наук. Именно этой проблематике посвящены разработки World Values Survey Рональда Инглхарта, одного из наиболее значимых в мировом масштабе лонгитюдных проектов, методология кросс-культурных сопоставлений («культурных измерений») Гирта Хофстеде или теория ценностных ориентаций Шалом Шварца.

Методология «Всемирного исследования ценностей» (WVS) подразумевает изучение культурных и ценностных ориентаций различных обществ по всему миру и проводится с 1981 г.; с этого времени было проведено семь волн исследований (в настоящее время реализуется восьмая волна) [2024–2026 World Values Survey Wave 8]. WVS ориентировано на изучение фундаментальных принципов мировоззрения населения различных стран и, в не меньшей степени, динамики ценностных ориентаций в различных аспектах жизнедеятельности. Структура актуальной волны предполагает внимание к различным подсекциям исследования – от вопросов счастья и благополучия до политической культуры и планирования семьи (см. табл. 1, 2).

Подсекции 8-й волны «Всемирного исследования ценностей»

Таблица 1

1.	Общественные ценности, установки и стереотипы.
2.	Счастье и благополучие.
3.	Социальный капитал, доверие и участие в организациях.
4.	Индекс постматериализма.
5.	Безопасность.
6.	Экономические ценности, коррупция и миграция.
7.	Наука, технология и климатические изменения.
8.	Религия.
9.	Этнические ценности и нормы.
10.	Планирование семьи.
11.	Политические интересы и политическое участие.
12.	Политическая культура и режимные конфигурации.
13.	Демография.

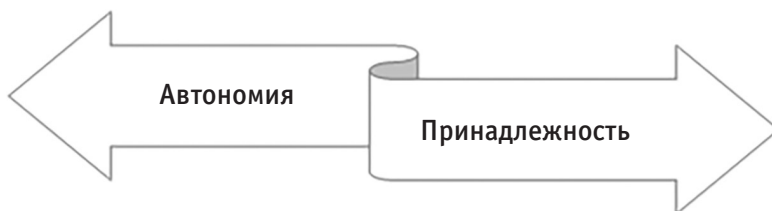
В свою очередь, методология Hofstede Insights включает шесть измерений кросс-национальных сопоставлений [Hofstede 2011]:

Таблица 2

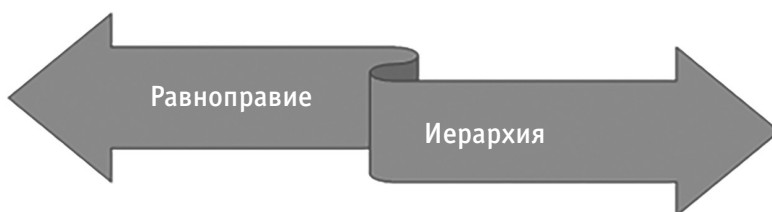
Измерение	Содержание
Power Distance.	Восприятие неравного распределения власти в обществе, отражающее степень, в которой менее влиятельные члены институтов и организаций в стране ожидают и принимают, что власть распределена неравномерно.
Индивидуализм vs коллективизм.	Степень взаимозависимости и ориентации человека на крупные сообщества и группы с сильно выраженным коллективным «Мы».
Мотивация достижения успеха.	Доминирующие формы ценностной мотивации людей – ориентация на конкуренцию и успех или на заботу о других, гармонию и качество жизни.
Избегание неопределенности.	Степень, в которой люди склонны избегать неопределенных и неизвестных ситуаций и ориентированы на создание институтов, предотвращающих такие ситуации.
Долгосрочная ориентация.	Ориентация обществ на поддержку освященных временем традиций или прагматичного подхода к планированию будущего.
Дозволенность vs сдержанность.	Степень, в которой население склонно к контролю за своими желаниями, эмоциями и поведенческими импульсами.

Схожую попытку дать классификацию культур с точки зрения преобладания в них того или иного параметра ценностных ориентаций дал Шалом Шварц. Он, во многом, опирался на методологию Хофстеде, но считал, что сам набор параметров, по которым можно выделить отличие национальных культур друг от друга, должен быть иным. В рамках его теории культурных ценностных ориентаций (КЦО), исследования по которой охватывают более

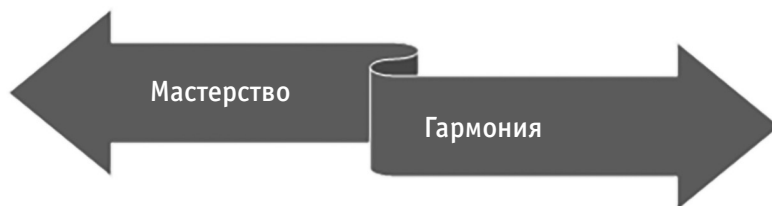
80 стран мира, были выявлены восемь культурных ареалов. В их основе лежали следующие базовые дилеммы [Schwartz & Ros 1995]:

<p>Автономия (интеллектуальная и чувственная) Человек рассматривается как независимая и неповторимая личность.</p>	<p>Принадлежность Человек должен быть включен в определенное сообщество и разделять цели такого сообщества.</p>
---	--

<p>Равноправие Поддерживаются сотрудничество, справедливость и равенство.</p>	<p>Иерархия Поддерживаются авторитет и дисциплина.</p>
--	---

<p>Мастерство Поддерживаются смелость, инициатива, честолюбие и успех.</p>	<p>Гармония Поддерживаются мир, забота, единство с природой и окружающей средой.</p>
---	---

Несмотря на отдельные преимущества каждой из представленных моделей, они, на наш взгляд, недостаточно учитывают значимый для современных культурных сопоставлений цивилизационный аспект, выражающийся, как минимум, в обоснованном предположении того, что мировой культурный диалог включает в себя не только разделенные национальными границами атомарные государственные единицы, но и более крупные сообщества, сформированные в результате близких траекторий исторического развития, языкового и гене-

тического родства, тесных экономических и коммуникативных взаимосвязей. Данный диалог ценен не только и не столько как некий автономный («исторический») фактор общественного развития, но в контексте социальных институтов, на практике воплощающих цивилизационные связи.

Например, за продвижение испанского языка в мире по-прежнему отвечают расположенные в Мадриде Институт Сервантеса (имеющий 90 центров в 45 странах мира) и Ассоциация академий испанского языка (включающая национальные учреждения 23 стран); интеграцию тюркского мира поддерживает расположенная в Анкаре Международная ассоциация тюркской культуры ТЮРКСОЙ и Организация тюркских государств, секретариат которой расположен в Стамбуле. Британское Содружество Наций со штаб-квартирой в Лондоне по-прежнему объединяет 56 государств, предлагая им постоянное взаимодействие через несколько десятков спортивных, культурных и образовательных организаций. «Юнион Джек», исторический флаг Великобритании, и сейчас используется во флагах четырех независимых государств (не считая самого Соединенного Королевства); выражающий принадлежность к исламской культуре полумесяц встречается на 13 флагах. По всему миру функционируют 73 Русских дома [География русских домов], созданных Россотрудничеством и выступающих в качестве инструментов сохранения и продвижения российских ценностей. Таким образом, не только определенный набор ценностей, но и вполне конкретные формы их продвижения и закрепления выступают основаниями для формирования цивилизационного единства, даже в контексте пересечения границ цивилизаций.

Иными словами, многие цивилизационные сообщества имеют вполне конкретное институциональное выражение, если не закрепление, – и именно эта, вполне «материальная» сторона, отличающаяся от ожидаемой «эффемерности» цивилизационного единства, определяет почти рутинное воспроизводство культурных связей внутри пусть и воображаемого, но все-таки обретающего существование (к примеру, в практиках взаимодействия или ритуалах) более крупного ценностного единства.

Векторно-осевой подход

Учитывая достижения ранее разработанных подходов и моделей, мы полагаем возможным предложить следующую модель цивилизационных различий, нуждающуюся в дополнительной верификации на основе широкого спектра социологических, культурологических и психологических инструментов. Базовым допущением для этой модели является представление о том, что институциональная система общества является производной от доминирующих ценностей, обращаясь к традициям, символам и идеалам. Любая цивилизация характеризуется стремлением к самореализации и продвижению собственных идеалов вовне, но выбор того набора средств воздействия, которым это продвижение

и будет осуществляться, позволяет говорить не просто об отличии одной цивилизации от другой, но и о выработке методологии сравнительного анализа, позволяющего классифицировать цивилизации, относя их к определенному типу. Таким образом, типологизация цивилизаций правомерно может базироваться не только на попытках определения ключевой идеи или описании культурного ядра цивилизации, но и на изучении отдельных обоснованных параметров.

Предлагаемая система описания цивилизаций основана на рассмотрении каждого цивилизационного образования как динамической социальной системы, базирующейся на трех ключевых параметрах: системности, социальности, антропности (см. табл. 3).

Для лучшей визуализации имеет смысл представить набор параметров для анализа цивилизации в виде трехмерной системы координат, принимая при этом, что привычное выделение плюса и минуса в оценке конкретных координат является продуктом дальнейшего развития математической мысли, в то время как у самого Декарта, к примеру, понятия «положительных» и «отрицательных» величин в оценке направления осей отсутствовали. Соответственно, из точки начала координат выводятся противоположно направленные пары векторов, образующие оси X, Y и Z и характеризующие дуалистичную ориентацию отдельных культурно-ценностных параметров.

Таблица 3

Ось координат	Ключевой параметр	Векторы
Ось X	Системность.	Энтропия (расширение) – негэнтропия (концентрация).
Ось Y	Социальность.	Связность – расщепленность.
Ось Z	Антропность (принятие решений).	Логичность – эмоциональность.

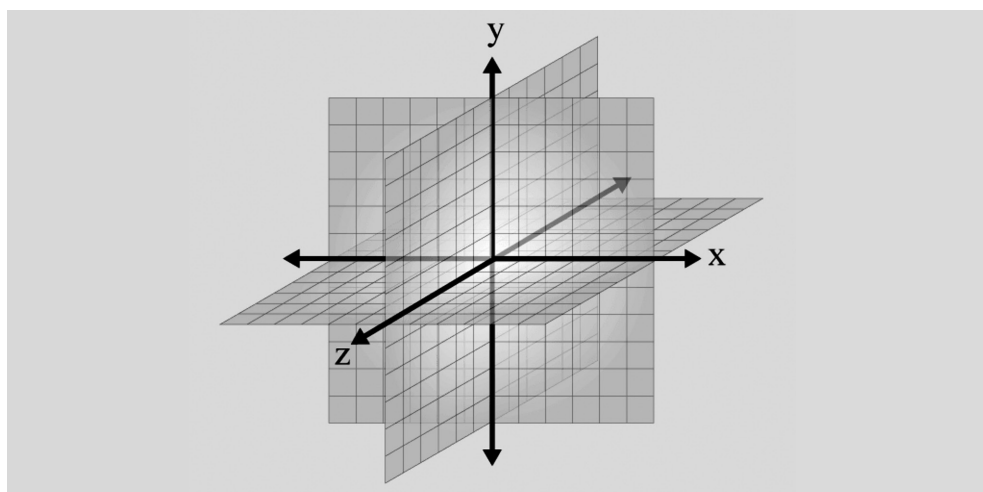
Первой из таких осей является пара векторов «энтропия (расширение) – негэнтропия (концентрация)». В отличие от энтропии, характеризующей стремление системы к хаосу и распаду, физический термин «негэнтропия» используется для описания противоположного процесса, характеризующего самоорганизацию и упорядочение. На психологическом уровне эта пара категорий может осмысливаться как ориентация на экстенсивное расширение (экспансию) либо как стремление к порядку (сосредоточение), т. е. реализацию личностных возможностей исключительно в пределах заданных границ позитивной свободы. Вместе с тем сознательный отказ от психологической интерпретации данной системы векторов позволяет говорить именно о характеристике цивилизации как социальной системы, а не только как совокупности определенных ментальных представлений.

Вторая ось определяет динамику ценностных ориентаций общества в дихотомии «индивидуальность – связность», где первый полюс выражает до-

минирующую ориентацию на личностное развитие или атомарно-номиналистское восприятие социальных процессов, а второй – ориентацию человека на более крупные и широкие сообщества с выраженной и доминантной коллективной (со-общественной) идентичностью. Безусловно, в чистом виде трудно представить себе общество, у которого присутствовала бы только одна из обозначенных тенденций, но сравнительный анализ позволяет увидеть, насколько та или иная ценность более ярко проявлена в соответствующем культурном ареале. Опять-таки, нет смысла пытаться свести данную дихотомию к классической схеме однозначной ориентации «индивидуализм versus коллективизм», поскольку речь идет о характеристике преимущественной (но не исключительной) ценностной направленности цивилизации.

Наконец, третья пара векторов характеризует когнитивные характеристики цивилизации с точки зрения ориентации ее представителей на рассудочно-логическое или, напротив, чувственно-эмоциональное поведение в ситуациях ценностного выбора. Психологическое измерение данных векторов отражается в выборе доминанты прагматических (конъюнктурных) приоритетов и материального благополучия или доминанты духовных приоритетов и культурной самоактуализации.

Пространственная разверстка этих векторов в виде трехмерной системы координат дает возможность выделить восемь сегментов, каждый из которых оказывается ограничен тремя векторами. Если в двухмерном пространстве такие области, которые описываются двумя координатами взаимно перпендикулярных плоскостей, называются квадрантами, то для трехмерного пространства в математике используется понятие «октант». Данные октанты для лучшего структурирования и восприятия могут быть обозначены римскими цифрами (I, II, III, IV, V, VI, VII, VIII) или латинскими буквами: A, B, C, D, E, F, G, H.

Выраженность того или иного вектора в характеристике деятельности конкретной цивилизации может быть представлена с различной интенсивностью (в векторном анализе такое различие выражается в понятиях «сильный градиент» – «слабый градиент»), что позволяет не просто обозначить наличие того или иного вектора, а выявить специфику его проявления. Сильный градиент обозначает отчетливое доминирование конкретного фактора в системе цивилизационных ценностей, в то время как слабый градиент позволяет говорить о существенном (выявляемом на уровне социологических исследований), но не доминирующем положении анализируемого показателя.

Поскольку единица отсчета в векторной модели располагается в центре оси координат, а не в ее начале, это позволяет, во-первых, отказаться от изначального упрощения цивилизационной системы за счет введения положительных/отрицательных характеристик, а во-вторых, получить шесть отдельных параметров, по каждому из которых можно произвести оценку конкретного культурного ареала на предмет набора ключевых ценностей. Итогом всего вышесказанного является то, что применение векторной модели позволяет выявить обоснованные характеристики отдельных обществ. Каждый из указанных в модели параметров может присутствовать в конкретной цивилизации, но именно доминирование тех или иных векторов позволяет определить характерные черты данной цивилизации, отнести ее к определенному типу. Разумеется, такая модель позволяет говорить, что указанные характеристики являются не столько изначальными и объективными чертами конкретного общества, сколько ценностными ориентациями, позволяющими построить определенную классификацию (см. табл. 4).

Таблица 4

Вектор	Ключевые ценности
Связность.	Родство, преемственность, согласие, справедливость.
Расщепленность.	Автономия, права личности, персональный статус.
Эмоция.	Любовь, свобода, творчество / созидание.
Логика.	Знание, правильность, иерархия, истина.
Расширение.	Свобода, развитие, прогресс.
Концентрация.	Ответственность, порядок, единство.

При этом, важным моментом является то, что сформированная таким образом система описания цивилизации открывает возможность рассмотрения общественной системы через описание пространства власти и доминирования тех или иных конфигураций, определяющих развитие общественной системы. Измерение такого рода параметров проводилось в рамках исследований 2007–2009 гг. Ю.А. Барклянским и А.В. Полосиным при исследовании генезиса политических кризисов и разработки системы анализа факторов, определяющих

формирование протестных проявлений. Результаты этого исследования (в виде «метода логико-генетического анализа, позволяющий простроить причинно-следственные цепочки индикаторов») проходили апробацию в органах власти Российской Федерации и показали высокую эффективность [Полосин, Барклянский, Гречишников 2011, с. 519].

Таким образом, параметры цивилизации как социальной системы могут быть отображены в трехмерном пространстве, показывая наличие восьми октантов, имеющих выраженную ориентацию на тот или иной способ воздействия (или властвования, если понимать под властью в предельно широком смысле право и возможность влиять на поведение других субъектов); верификация подобных ориентаций октантов является предметом продолжающихся в настоящий момент исследований авторского коллектива. Важным является то, что конкретный набор параметров позволяет не только определить набор ценностей, используемых для определения воздействия, но и сформулировать ключевую идею и набор инструментов воздействия.

Принципиально важным для прикладного использования векторно-осевого подхода к цивилизациям является то, что методы верификации предложенных инструментов классификации и анализа могут быть существенно расширены за счет использования цифровых систем анализа текстов нормативных и официальных документов, а также за счет анализа информационной среды. Таким образом, стандартные эмпирические исследования, связанные с историографическими методами культурологии, интроспективными методами социологии и прогностическими психологическими методами могут получить дополнительный инструментарий для сравнительного анализа цивилизаций.

С одной стороны, сравнительный анализ цивилизаций является одним из ключевых пунктов цивилизационного подхода со времен его возникновения, но с другой – специфика его применения в контексте современной стадии развития гуманитарных наук должна основываться на умении переосмыслить классические схемы, подвергнуть их научной ревизии. Происходящие в мире изменения, актуализация сущностных вопросов цивилизационного развития требует создания и апробации новых моделей понимания процессов общественного развития как на микроуровне, так и на уровне процессов формирования, существования и развития цивилизаций. Простое отрицание или попытка использовать модели, предложенные нашими предшественниками, требует реального переосмысления. Большого и быстрого шага к созданию новых концепций мироустройства невозможно достичь без критического отношения ко всем существующим моделям и без появления новых инструментов анализа, отвечающих как научным параметрам, так и тем задачам, которые ставятся перед исследователями с точки зрения общественных и политических вызовов.

Библиография

География Русских домов // Россотрудничество. URL: <https://rs.gov.ru/kontakty/predstavitelstva-za-rubezhom/represents-with-map/> (дата обращения: 15.11.2024).

Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М.: Институт русской цивилизации. 2008. 816 с.

Иглтон Т. Идея культуры. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2012. 192 с.

Полосин А.В., Барклянский Ю.А., Гречишников С.Е. Проект создания системы анализа и прогнозирования социально-политической ситуации в регионах Российской Федерации: методологическое обоснование // Россия: тенденции и перспективы развития. 2011. № 6–2. С. 517–520.

Публичные ценности и государственное управление / Под ред. Л.В. Сморгунова, А.В. Волковой. М.: Аспект Пресс, 2014. 400 с.

Российское общество: архитектоника цивилизационного развития / Под ред. В. В. Козловского. М.; СПб.: ФНИСЦ РАН, 2021. 340 с.

Слёзкин Ю.Л. Самобытное государство-цивилизация, его соседи и родственники // Россия в глобальной политике. 2023. Т. 21. № 4. С. 44–55.

2024–2026 World Values Survey Wave 8. // World Values Survey. URL: https://www.worldvaluessurvey.org/documents/WVS-8_QUESTIONNAIRE_V11_FINAL_Jan_2024.pdf (дата обращения: 15.11.2024).

Hofstede G. Dimensionalizing Cultures: The Hofstede Model in Context // IACCP. 2011. URL: <https://scholarworks.gvsu.edu/orpc/vol2/iss1/8/> (дата обращения: 12.11.2024).

McNeill W. «The Rise of the West» after Twenty-Five Years // Journal of World History. 1990. Vol. 1. № 1. Pp. 1–21.

Schwartz S. & Ros M. Values in the West: A Theoretical and Empirical Challenge to the Individualism-Collectivism Cultural Dimension // World Psychology. 1995. № 1. Pp. 91–122.

References

Eagleton T. Ideya kul'tury' [The Idea of Culture]. Moscow: Izdatel'skij dom Vy'sshej shkoly' e'konomiki [Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics], 2012. 192 p. (In Russ.)

Danilevskij N.Ya. Rossiya i Evropa [Russia and Europe]. Moscow: Institut russoj civilizacii [Moscow: Institute of Russian Civilization], 2008. 816 p. (In Russ.)

Geografiya Russkix domov [Geography of Russian Houses]. Rossotrudnichestvo. URL: <https://rs.gov.ru/kontakty/predstavitelstva-za-rubezhom/represents-with-map/> (date of access: 15.11.2024). (In Russ.)

Hofstede G. Dimensionalizing Cultures: The Hofstede Model in Context. IACCP. 2011. URL: <https://scholarworks.gvsu.edu/orpc/vol2/iss1/8/> (date of access: 12.11.2024).

Federacii: metodologicheskoe obosnovanie [The Project for the Creation of a System for Analysis and Forecasting of the Socio-Political Situation in the Regions of the Russian Federation: Methodological Justification]. Rossiya: tendencii i perspektivy' razvitiya [Russia: Development Trends and Prospects]. 2011. N 6–2. P. 517–520. (In Russ.)

McNeill W. «The Rise of the West» after Twenty-Five Years. Journal of World History. 1990. Vol. 1. N 1. pp. 1–21.

Polosin A.V., Barklyansky Yu.A., Grechishnikov S.E. The Project for the Creation of a System for Analysis and Forecasting of the Socio-Political Situation in the Regions of the Russian Federation: Methodological Justification [The Project for the Creation of a System for Analysis and Forecasting of the Socio-Political Situation in the Regions of the Russian Federation: Methodological Justification]. Russia: Development Trends and Prospects [Russia: Development Trends and Prospects]. 2011. N 6–2. P. 517–520. (In Russ.)

Polosin A.V., Barklyanskij Yu.A., Grechishnikov S.E. Proekt sozdaniya sistemy` analiza i prognozirovaniya social`no-politicheskoj situacii v regionax Rossijskoj Federacii: metodologicheskoe obosnovanie. Rossiya: tendencii i perspektivy` razvitiya. 2011. N 6–2. S. 517–520.

Publichny`e cennosti i gosudarstvennoe upravlenie [[Public Values and Public Administration]. Pod red. L.V. Smorgunova, A.V. Volkovoj. Moscow: Aspekt Press, 2014. 400 p. (In Russ.)

Rossijskoe obshhestvo: arxitektonika civilizacionnogo razvitiya [Russian society: the architectonics of civilizational development]. Pod red. V. V. Kozlovskogo. Moscow; SPb.: FNISCz RAN, 2021. 340 p. (In Russ.)

Schwartz S. & Ros M. Values in the West: A Theoretical and Empirical Challenge to the Individualism-Collectivism Cultural Dimension // World Psychology. 1995. N 1. Pp. 91–122.

Slyozkin Yu.L. Samoby`tnoe gosudarstvo-civilizaciya, ego sosedi i rodstvenniki [An original state-civilization, its neighbors and relatives] // [Russia in global politics] // Rossiya v global`noj politike. 2023. Vol. 21. N 4. P. 44–55. (In Russ.)

2024–2026 World Values Survey Wave 8 // World Values Survey. URL: https://www.worldvaluessurvey.org/documents/WVS-8_QUESTIONNAIRE_V11_FINAL_Jan_2024.pdf (date of access: 15.11.2024).